

DOI 10.31250/2618-8600-2022-1(15)-187-206

УДК 304.2(460)

А. Н. Кожановский

Институт этнологии и антропологии

им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-1699-3660

E-mail: ankozhan49@yandex.ru

Мусульманский платок в современной Испании*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается отношение населения современной Испании к желанию некоторых живущих здесь женщин мусульманского вероисповедания носить в общественных местах традиционное исламское головное покрывало (хиджаб, никаб, паранджу). Это породило неприятие со стороны части общества. Возникла коллизия, в которой отчетливо проявился ряд тенденций, факторов и обстоятельств, характеризующих социально-культурную ситуацию в стране и ее эволюцию в последние десятилетия. Специфика Испании, в сравнении с другими европейскими странами, оказавшимися перед необходимостью отвечать на аналогичные вызовы быстро меняющейся реальности, состоит, с одной стороны, в наличии у нее многовековой и весьма драматичной истории взаимоотношений с арабо-мусульманским миром, укорененной в коллективной исторической памяти и отразившейся в разных аспектах традиционной культуры скорее в негативном ключе, а с другой стороны, в том, что после завершения авторитарной эпохи общественная атмосфера здесь во многом способствовала интенсивному отторжению и маргинализации прежних культурно-идеологических ориентиров, включая этнические установки и стереотипы, в пользу постулатов либерализма. В таком противоречивом контексте аргументы сторонников и противников разрешения носить покрывало отражают ценностно-мировоззренческие установки, сосуществующие и противоборствующие в нынешнем испанском обществе, в то время как какие-либо законодательные запреты на этот счет на общегосударственном уровне по-прежнему отсутствуют — несмотря на неоднократные попытки изменить это положение дел.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Испания, иммигранты-мусульмане, хиджаб, запрет, дискриминация, дискуссия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кожановский А. Н. Мусульманский платок в современной Испании.

Этнография. 2022. 1 (15): 187–206. doi 10.31250/2618-8600-2022-1(15)-187-206

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

A. Kozhanovsky

N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and
Anthropology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1699-3660
E-mail: ankozhan49@yandex.ru

■ Muslim headscarf in modern Spain

ABSTRACT. The article deals with contemporary Spaniards' attitude to the desire of some Muslim women living there to wear the traditional Islamic head covering (hijab, niqab, burqa) in public places. The rejection of this practice on the part of certain social groups has created a conflict, revealing the peculiarities of the socio-cultural situation in the country. Compared to other European countries that are faced with the need to respond to similar challenges, Spain has a centuries-old and dramatic history of relations with the Arab-Muslim world, rooted in the collective historical memory and reflected in various aspects of traditional culture (rather in a negative way). At the same time, after the end of the authoritarian era, the social atmosphere here largely contributed to the intensive rejection and marginalization of the former cultural and ideological orientations, including ethnic attitudes and stereotypes and in favor of the liberal postulates. The arguments of the supporters and opponents on the permission to wear the hijab reflect the contradictory values and worldviews that coexist and compete in the current Spanish society. Despite repeated attempts to change this state of affairs, legislative prohibitions against wearing hijab at the national level do not exist.

KEY WORDS: Spain, Muslim
immigrants, hijab, prohibition,
discrimination, discussion

FOR CITATION: Kozhanovsky A.
Muslim Headscarf in Modern Spain. *Etnografia*.
2022. 1 (15): 187–206. (In Russ.). doi
10.31250/2618-8600-2022-1(15)-187-206

Тема так называемого мусульманского платка, а точнее — отношения в современном испанском обществе к тому, что некоторые из проживающих в стране женщин исламского вероисповедания практикуют ношение в общественных местах головного покрывала в той или иной его традиционной разновидности, интересна тем, что в ней сошлись воедино и отчетливо проявились сразу несколько тенденций, факторов и обстоятельств, характеризующих социально-культурную ситуацию в Испании и ее эволюцию в последние десятилетия. В данном случае мы обратимся к тому аспекту этой ситуации, который явственно обозначился в указанные годы в результате массового прибытия многих сотен тысяч иммигрантов-мусульман из разных регионов мира.

Конечно, проблему сосуществования, взаимодействия и взаимопонимания со множеством людей, ставших в сравнительно короткие сроки неотъемлемой частью местной демографической среды и при этом исходно чуждых коренным жителям по своему происхождению, языку, культуре, религии и пр., вынуждена была решать не только Испания. Как известно, перемещение с каждым годом все большего количества уроженцев более бедных и неблагополучных стран в более богатые и безопасные в Новейшее время обрело настолько широкий размах, что стало причиной так называемого миграционного кризиса в Западной Европе в 2015–2016 гг. Некоторые аналитики даже считают возможным сравнивать его с Великим переселением народов рубежа античной и средневековой эпох. В реакции государств и обществ, вовлеченных в этот глобальный процесс в качестве мест, куда стремились потоки трудовых мигрантов и беженцев, было много общего, однако каждое из них в своих подходах и практических действиях проявляло своеобразие, связанное прежде всего с особенностями своего культурно-исторического развития. Испанский случай служит тому ярким подтверждением.

Автор видит свою задачу в том, чтобы как можно точнее и подробнее, насколько это позволяют доступные на сегодняшний день источники, зафиксировать и описать интересный феномен, возникший на линии контакта весьма разных культур, со всеми влияющими на него и постоянно изменяющимися факторами и обстоятельствами, а также с учетом исторического контекста; иными словами, сделать своего рода «срез» текущей социально-культурной ситуации, имея в виду, что речь идет о динамичной эволюции, направленность которой не вполне еще ясна экспертному сообществу.

При этом необходимо оговориться, что здесь мы не будем сравнивать рассматриваемую ситуацию с аналогичной в других европейских странах, хотя их опыт в разрешении возникшей коллизии самым внимательным образом отслеживается и широко обсуждается в Испании, в которой данная тема стала предметом научных исследований в области культурной антропологии с конца 1990-х — начала 2000-х годов (Aixelà 2011).

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРОСА

Само название статьи говорит о возникновении в недавнее время своего рода исторического вызова для испанского общества. Ведь, как известно, еще в начале VIII в. Иберийский полуостров был почти целиком завоеван мусульманами из Северной Африки — арабами и берберами (маврами), после чего началась растянувшаяся почти на восемь веков Реконкиста (обратное отвоевание), в ходе которой возникло единое Испанское государство. Долговременное сосуществование, взаимодействие и противостояние с маврами оставило глубокий отпечаток в исторической памяти испанцев, их культуре и языке, несмотря на то что после завершения Реконкисы многочисленное мусульманское население было вынуждено либо отказаться от своей религии, приняв католичество (по сути это означало последующую ассимиляцию), либо покинуть полуостров и отправиться на чужбину. На несколько веков после этого католицизм становится здесь государственной и единственной официально признанной религией и оказывает сильнейшее влияние не только на мировоззрение местного населения, но и на всю его социально-культурную жизнь; отправление каких-либо иных культов на территории страны не допускается. Такое положение дел в целом сохраняется — с коротким перерывом на годы антиклерикальной Второй республики — и в XX столетии, вплоть до конца 1970-х годов, когда с завершением эпохи диктатуры генералиссимуса Франко в стране началась радикальная перестройка всех общественных устоев по либерально-демократическим принципам. Одним из проявлений происходившей трансформации стало кардинальное изменение конфессиональной ситуации: в Испании была конституционно утверждена свобода религии, католицизм перестал быть государственной религией, превратившись в одну из существующих и официально признанных здесь конфессий, с каждой из которых государство, заявившее о своем светском характере, выразило готовность заключить соглашение о сотрудничестве в обеспечении культовых потребностей ее приверженцев.

Адептов ислама к этому времени на территории материковой Испании было очень немного, они были представлены преимущественно иностранцами: торговцами, дипломатами, студентами и пр. Но ускорившееся в постфранкистский период экономическое развитие страны скоро стало причиной важных изменений демографического характера. Если десятилетиями до той поры Испания отправляла за рубеж — через океан, в страны Латинской Америки, или в западноевропейские государства, хозяйство которых нуждалось в рабочей силе, — сотни тысяч трудовых мигрантов из числа своих граждан, то теперь привычная эмиграция постепенно, но неуклонно стала уменьшаться, уступая место трудовой миграции извне. Среди желающих получить работу в растущей испанской индустрии, строительстве, сельском хозяйстве, сфере обслуживания

с самого начала ощутимую долю составляли выходцы из ближайшей к Испании североафриканской страны — Марокко, в намного меньшей степени — из других арабских государств региона. В дальнейшем поток направлявшихся в Испанию трудовых мигрантов и беженцев мусульманского вероисповедания пополнили уроженцы Ближнего Востока и Черной Африки. Число приверженцев ислама, оседавших на территории страны, быстро возрастало, и если в начале 1990-х годов их насчитывалось около 200 тыс., то четверть века спустя — в 10 раз больше, при этом многие из них к тому времени успели получить испанское подданство, а другие были детьми и даже внуками иммигрантов, родившимися уже на испанской земле («второе и третье поколения») (Marcos 2017). Наконец, в рядах мусульманской общины имелось около 23 тыс. чел. из числа «коренных» испанцев, принявших ислам (El islam en España 2016).

В соответствии с испанскими законами постфранкистского времени и соглашением, заключенным в 1992 г. представителями мусульманской общины с испанским государством, последователи ислама имеют возможность совершать молитвы и обряды своего культа, для чего используют 1323 мечети и молельных дома (данные 2017 г.) (Los musulmanes 2017).

Таким образом, на протяжении жизни всего одного поколения условия повседневного существования коренного населения страны значительно изменились, по сути возникла новая социально-культурная и демографическая реальность. Во-первых, в традиционно однородной в культурно-конфессиональном отношении среде появилось множество «чужаков», людей иного происхождения, облика и языка, и не в качестве сезонных туристов, которые стали массово приезжать сюда — главным образом в прибрежные курортные зоны — еще в годы диктатуры, но в роли соседей местных жителей по кварталу и по дому, работников тех же предприятий, где трудятся они сами, одноклассников их детей, покупателей тех же магазинов, пациентов тех же поликлиник и больниц, которыми пользуются они сами, и т. д.

Во-вторых, значительную часть этих «пришельцев» составили мусульмане, в большинстве своем — североафриканские арабы, относительно которых в испанском обществе веками поддерживалась традиция их восприятия как чужеродного и враждебного начала, опиравшаяся на многовековой исторический опыт — вплоть до того, что за изгнанными маврами и их потомками привычно предполагалось чувство мести и страстное желание вернуть утраченную ими страну (Martín Corrales 2004). Причем в некоторых регионах Испании (в Каталонии, Андалузии, Мадриде, Валенсии) они составили весьма весомую часть населения.

В-третьих, на протяжении столетий, как отмечалось выше, католицизм был государственной религией страны, соответственно испанское общество находилось под мощным и всесторонним влиянием католической церкви. Ислам же долгое время воспринимался как не только иная,

но прямо враждебная католицизму религия — учитывая опять же исторический опыт противостояния носителей двух вероисповеданий.

«МАВРЫ» В ИСПАНИИ — ЧЕРЕЗ ПЯТЬСОТ ЛЕТ ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ

Таким образом, причудливая игра исторических обстоятельств привела к тому, что по истечении без малого пятисот лет с того времени, когда арабо-мусульманская община на Иберийском полуострове прекратила свое существование, она здесь вновь возродилась — уже на новом этапе развития человечества в целом и Испании в частности. Но теперь ее взаимодействие с местным большинством осуществляется в совершенно ином социально-культурном и идеологическом контексте.

Память о прошлом в данном случае выглядит как фактор, как минимум не облегчающий взаимопонимание местной и пришлой общин, но скорее склоняющий к настороженности и отчужденному отношению. Однако глубоким поставторитарным преобразованиям в Испании подверглись не только политическая и социально-экономическая, но также идеологическая и ценностно-культурная сферы жизни испанского общества. Духовная атмосфера в стране коренным образом изменилась. В качестве наиболее влиятельной, по сути доминирующей идеологии здесь утвердились постулаты либерализма, поддерживаемые государством в лице его многочисленных институтов и учреждений, основными СМИ, системой образования, наконец наиболее просвещенной, известной и авторитетной частью общества. Многие установки, ценности и представления прежней эпохи, определявшие образ жизни и поведение значительной части испанского населения, в новых условиях трактовались как отсталые, архаичные, консервативные, а то и реакционные и даже мракобесные, как предрассудки и пережитки франкистского прошлого; публичное их высказывание и тем более отстаивание в общественно-политическом пространстве становилось все более чревато осуждением со стороны прогрессивно настроенных окружающих, среди которых могли оказаться самые близкие люди.

В ряду важных для нашей темы изменений нужно отметить и всестороннюю масштабную секуляризацию испанского общества, развернувшуюся в полную силу после того, как католическая церковь в стране была отделена от государства. Религия утратила прежние доминирующие позиции в мировоззрении и ценностных ориентациях населения. С каждым годом все большее число испанцев отказываются от церковного венчания, не крестят новорожденных, не зовут священника соборовать умирающих и отпевать усопших. Испания стала одной из первых стран Европы, узаконивших (в 2005 г.) гомосексуальные браки. И хотя большинство населения страны продолжают называть себя католиками, лишь 42 % твердо верят в Бога и только 19,5 % посещают воскресные службы. Неуклонная секуляризация и «декатолизация» (Briones Gómez 2018) общества

в постфранкистские годы радикально изменили строй жизни обитателей этой страны, веками считавшейся — и действительно бывшей — оплотом католицизма.

Среди новых ценностей, активно культивировавшихся в ходе пост-авторитарной «перестройки», весомое место заняли солидарность и терпимость по отношению к тем, кто приехал в Испанию в поисках заработка или спасаясь от бедствий у себя на родине, — при этом испанцам постоянно напоминали о том, как еще недавно многие из них вынуждены были вот так же искать счастья на чужбине (Martín Corrales 2004). Официальная позиция также состоит в том, что ни о какой дискриминации по критериям происхождения, национальности, религии, культуры не может быть и речи.

Что касается либеральной идеологической парадигмы, то она включает, среди прочих, постулаты феминизма, толерантности, политкорректности, защиты прав меньшинств, мультикультурализма и т. д. Нужно сказать, что в испанском случае их утверждение порою производит впечатление избыточного напора, что связано, по-видимому, с разделяемым здесь многими представлением о долговременном отставании страны от более передовых государств Европы и необходимости как можно скорее преодолеть это отставание. Так или иначе, само слово «мавр» в рамках новой этики стало считаться неприемлемым для публичного и печатного употребления — как якобы уничижительное по отношению к тем, кого оно традиционно обозначало (см., напр.: Pérez-Reverte 2014). Ученые либерального направления пересматривают устоявшиеся трактовки истории страны, в которых средневековые арабы и ислам подавались как чуждые истинной Испании и ее населению. Новый подход требует видеть в них столь же органичную и укорененную часть обитателей Иберийского полуострова той эпохи, как и во всех остальных его тогдашних жителях (Blanco 2019). Из традиционных фольклорных праздников, чрезвычайно популярных в самой стране и за ее пределами и проводившихся по сценариям, порою восходящим ко временам Средневековья, постепенно, но неуклонно изымаются, несмотря на сопротивление местных жителей, все элементы, эпизоды, персонажи и тексты, которые в сколько-нибудь негативном свете представляют мусульманскую сторону или прославляют давнюю историческую победу креста над полумесяцем на полуострове. Вместо них в театрализованное действие вставляют заново придуманные фигуры и сцены, призванные выразить уважение к исламу и его приверженцам, а в конечном счете — придать древнему народному празднику политкорректный характер своего рода «фестиваля мира и дружбы».

Такому же изъятию в рамках борьбы с вредоносными предрассудками прошлого подвергаются сохранившиеся на восходящих к эпохе Реконкисты гербах и знаменах некоторых испанских городов и селений изображения поверженных или плененных мавров; аналогичные фигуры

в скульптурных храмовых композициях драпируются материей или цветами и т. п. Тезис о том, что необходимо убрать из видимого пространства все, что может прямо или косвенно обидеть проживающих в стране мусульман, стал, по сути, руководством к действию для определенной части испанского общества — прежде всего, конечно же, наиболее «продвинутой», глубже усвоившей идеологию политкорректности.

В этой же общественной группе культивируется своего рода «покаянное» отношение к мусульманам, в рамках которого, в частности, эксцессы их поведения на территории Испании, включая теракты, осуществленные радикальными исламистами, трактуются как неизбежное следствие изначальной несправедливой, грабительской и корыстной политики европейских держав, и в их числе Испании, в бедных и отсталых странах третьего мира, то есть на родине иммигрантов и беженцев.

Соцопросы, регулярно проводимые в Испании, показывают более терпимое и доброжелательное отношение к иммигрантам, чем в среднем по ЕС. Примечательно, что здесь, в отличие от других европейских стран с большим количеством приезжих, не возникли иммигрантские гетто. Вместе с тем в сравнительном отношении восприятие именно арабов-мусульман при всех колебаниях остается наименее благоприятным, они находятся практически на последних местах в перечне национальностей по критерию предпочтительности (González Enríquez 2016). По мнению одного из авторов, профессионального историка, даже после многих лет целенаправленной антиксенофобской пропаганды в значительной части общества продолжает доминировать чувство недоверия и настороженности по отношению к мусульманам (Martín Corrales 2004), которое, однако, обычно не афишируется.

ИСЛАМСКОЕ ЖЕНСКОЕ ГОЛОВНОЕ ПОКРЫВАЛО КАК ПРОБЛЕМА

Вот на таком фоне отношений между иммигрантами-мусульманами в современной Испании и их потомками, с одной стороны, и «коренным» населением — с другой, и начали происходить инциденты с исламским головным покрывалом, которое отдельные из живущих в стране женщин-мусульманок стали надевать и носить повсюду, в том числе и в общественных местах. Прежде всего необходимо уточнить, что у этого покрывала есть много разновидностей. В Испании обычно говорят о хиджабе (hiyab), который закрывает только голову и шею, оставляя открытым лицо, и так называемых интегральных покрывалах, полностью закрывающих не только голову, но и всю фигуру женщины до пят, то есть никабе (nikab) и парандже (burka), которые различаются тем, что первый оставляет открытой только верхнюю часть лица вокруг глаз, а во второй и эта «смотровая щель» прикрыта сеткой (Pivetal 2017).

Как отмечают исследователи, ношение женского покрывала не только имеет религиозную подоплеку, но в некоторых культурах отвечает представлениям о скромности и соответствии правилам приличия, а также указывает на определенный социальный статус. Наконец, оно может быть — в частности, в странах Запада — своего рода заявлением о праве на своеобразие в чуждой социально-культурной среде и даже следованием моде (La situación del velo 2013).

Нужно отметить, что данные элементы традиционной одежды используют отнюдь не все женщины-мусульманки, тем более что даже в исламском мире нет согласия по поводу того, как следует трактовать в этом случае предписания Корана. Так, в Испании, согласно опубликованным оценкам, «интегральные покрывала» носят лишь около 500 мусульманок (примерно из одного миллиона проживающих здесь женщин исламского вероисповедания) (Pivetal 2017).

Однако с хиджабом ситуация иная. В феврале 2002 г. случился первый публичный скандал с 13-летней девочкой марокканского происхождения в г. Эскориале (под Мадридом), которая хотела — и родители ее в этом поддерживали — посещать занятия в школе и носить хиджаб; при этом сама школа имеет католический уклон (она находится в категории частных учебных заведений с государственной поддержкой), и обязательная форма учеников здесь не предполагает ношения головных уборов. Несколько месяцев упорствовавшую девочку не допускали к занятиям, пока региональное образовательное начальство не перевело ее в другую школу, на этот раз целиком государственную (бюджетную), однако и там директриса запретила хиджаб в стенах учебного заведения как нетерпимый символ дискриминации женщины. Из региональных инстанций последовал приказ разрешить школьнице ходить на занятия в хиджабе — поскольку право на образование является приоритетным, а кроме того, следует уважать культурную идентичность девочки, к тому же известно, что другие школы Мадрида идут навстречу таким ученицам. Но здесь на получивший широкую огласку случай обратило внимание уже правительство страны (в те годы у власти находилась правоцентристская Народная партия). Министр просвещения высказалась против того, чтобы хиджаб носили в бюджетной школе, поскольку ученики должны следовать установленному там регламенту, включая и нормы одежды, внутришкольные правила поведения едины для всех, стоят выше религиозных установок, и иммигрантам особо следует их уважать. Министр труда заявил, что ношение хиджаба воспринимается не как показатель религиозной принадлежности женщины, но как знак ее дискриминации и «неприемлемый обычай», сравнимый с ритуальным обрезанием женских гениталий. В середине 2002 г. СМИ сообщали, что девочка приходит в школу в хиджабе, но затем по собственной воле снимает его и присутствует на занятиях уже без головного убора.

Тогда же стали известны и другие случаи, когда ученицам, находящимся в аналогичной ситуации, выделяли в школах специальную комнату, где они, придя на занятия, могли переодеться в принятую здесь униформу. Вместе с тем в некоторых других населенных пунктах страны, где было особенно много мусульман, их дочерям без лишней огласки просто позволялось носить хиджаб на занятиях в учебных центрах — как, например, в испанском г. Мелилья на северном побережье Африки, где школьники из мусульманских семей составляли половину учащихся (Motilla 2004).

В 2007 г. в каталонской Жироне восьмилетней школьнице было запрещено присутствовать на занятиях с исламским платком на голове, что мотивировалось желанием избавить ее от дискриминации, поскольку из 410 учеников этой школы, немалую часть которых составляли дети иммигрантов, в такой платке была только она. Конфликт завершился вмешательством регионального начальства, распорядившегося допустить ребенка в класс без всяких условий, поскольку право на образование и свобода вероисповедания безусловно приоритетны перед внутренними правилами учебного заведения (Bueno Terrés 2018).

В апреле 2010 г. в одной из мадридских средних школ возник скандал по уже знакомой нам причине: девочку из мусульманской семьи не допустили к занятиям из-за ее желания оставаться в классе в хиджабе. Школьницу поддержали несколько ее подруг, из солидарности также надевших на голову исламские платки. Собравшейся толпе репортеров протестующие объясняли, что ношение хиджаба для них «равнозначно ношению крестика» (для христиан. — *А. К.*); кроме того, в нем есть «нечто глубоко интимное и символическое», поскольку девушки надевают его после первой менструации (Robledo 2010). Правда, дойдя до дверей школы, юные мусульманки снимают платки и далее следуют с непокрытыми головами, опасаясь, по их словам, неприятностей. Что касается их соучеников, то одни высказывались за свободу одеваться по своему усмотрению, тогда как другие — за соблюдение единых для всех правил, запрещающих головные уборы в классах. Согласно сообщениям СМИ, власти мадридского региона ставили во главу угла необходимость следовать букве уставов учебных заведений, в 40% которых ношение хиджабов было запрещено, но в ответ звучали возражения самого разного толка и с самых разных сторон: от семьи школьницы до министров центрального правительства и руководителей мусульманских организаций. Аргументы в основном сводились к необходимости соблюдения религиозной свободы, провозглашенной законом и включающей также и манеру одеваться, и права на образование, которое должно превалировать над всеми иными обстоятельствами и соображениями. Некоторые сторонники изменения школьных регламентов в пользу хиджаба указывали, что страна изменилась, в ней теперь живут много мусульман, с культурными и конфессиональными

особенностями которых следует считаться, и исламский платок — одна из них (Robledo 2010).

Что же касается упомянутого эпизода, то здесь девочку перевели в другую школу, где ей было позволено носить хиджаб на занятиях, родители же ее обратились в суд с жалобой на ущемление свободы религии, однако их обращение было отклонено (La situación del velo 2013).

В июле 2019 г. в одном из общественно-политических изданий напечатали сообщение о том, что в некоей средней школе Мадрида ученицам было запрещено посещать занятия в хиджабах. Лидер исламской общины выразил несогласие с этим распоряжением, после чего омбудсмен региона обратился к региональной школьной администрации за разъяснениями. И получил ответ, из которого следовало, что, согласно действующему закону об образовании, учебным центрам дано право регламентировать одежду своих учеников — в том числе и запрещать им надевать головные уборы, чтобы не создавать трудностей в их идентификации. В отчете омбудсмана о данном инциденте было также указано, что в Испании есть прецеденты подтверждения судами таких запретов, поскольку они продиктованы внутришкольными уставами и равно относятся ко всем ученикам. На это участнику спора с мусульманской стороны оставалось только высказать предложение: отменить пункты школьных уставов, запрещающие покрывать голову во время занятий (La Comunidad de Madrid 2019).

Таким образом, если в первых двух упомянутых здесь «школьных» конфликтах вокруг хиджаба победу одержало право на образование вкупе с религиозной свободой и правом на самостоятельный выбор одежды, то в последнем правила внутришкольного распорядка были сочтены более весомыми (Bueno Terrés 2018).

Что же касается текущей ситуации в области среднего школьного образования в целом, то, как сообщают комментаторы, большинство таких учебных заведений, как бюджетных, так и частных, допускают к занятиям школьников из мусульманской среды, даже если для этого придется нарушить принятые нормы одежды и отказаться от последовательного соблюдения принципа секулярности в школьном обучении (Bueno Terrés 2018).

В высшей школе, в отличие от начальной и средней, долгое время, насколько известно, проблемный вопрос решался иначе: студенткам, желающим ходить на занятия в хиджабах, это никем не возбранялось, хотя есть свидетельства того, что некоторые представители университетского сообщества выражают таким девушкам свое недовольство (Ramírez 2006). В 2017 г. студентка Мадридского автономного университета, носившая хиджаб, не была допущена к экзамену преподавателем, который объяснил свое решение опасениями возможности списать, а также тем, что носить исламский платок — не в обычае Испании. На следующий день соученицы девушки пришли на занятия к этому преподавателю, надев

хиджабы в знак солидарности со своей подругой — и он сделал вид, что ничего не произошло. Руководство факультета высказало девушке свои сожаления, злосчастный преподаватель оправдывался тем, что был неправильно понят, преподавательница антропологии заявила, что гордится поведением подруг молодой мусульманки, которой, разумеется, было позволено сдавать экзамены в хиджабе. Сама она отреагировала во вполне феминистском ключе и сказала, что не видит в произошедшем никакого расизма, а только «мужской шовинизм», попытку мужчины навязать женщине свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо (Cantó 2017).

Что же касается женщин-мусульманок в преподавательской среде, то на 2020 г., как сообщается (Gutiérrez del Moral 2020), в испанские суды не поступало ни одного дела о религиозных правах учителей в связи с использованием ими религиозной символики. Вместе с тем есть упоминания о том, что некоторые учительницы, постоянно носящие хиджаб, становятся победительницами профессиональных педагогических конкурсов (Los musulmanes 2017).

Тема особых прав работника в сфере трудовых отношений в связи с его конфессиональной принадлежностью обозначилась в Испании еще в 1997 г., когда получил огласку случай с увольнением женщины-мусульманки из магазина, куда она нанялась продавщицей, не сказав в тот момент ни о каких своих специфических требованиях, которые, однако, предъявила руководству месяц спустя. В них шла речь об особом режиме работы (раньше уходить по пятницам и в Рамадан, не иметь дела с алкоголем и свининой и т.д.) и одежды, причем любопытно, что в этом случае женщина тогда настаивала не на разрешении носить хиджаб, а на позволении надевать длинную юбку вместо короткой, которая полагалась в соответствии с униформой. Администрация отвергла ее претензии (Motilla 2004).

Известные решения испанских судов по поводу мусульманских платков, становящихся предметом спора в сфере трудовых отношений, неодинаковы. В 2009 г. стал широко известен эпизод с испанской адвокатессой марокканского происхождения, которую за отказ снять хиджаб удалили из судебного помещения на том основании, что ее профессиональный статус исключает такой вид одежды. Ни Верховный, ни Конституционный суды страны, куда она обращалась, ее не поддержали (La situación del velo 2013). В 2016 г. сборщица грибов, уволенная за то, что хотела носить хиджаб непременно поверх необходимого в работе головного убора, а не под ним, как требовали нормы и как поступали другие работавшие здесь мусульманки, пыталась настоять на своем через суд, который, однако, отказался признать ее правоту, сочтя, что предъявлявшиеся к ней требования были совершенно оправданны и относились ко всем работницам, что исключает жалобы на дискриминацию. Зато год спустя судебное

решение было вынесено в пользу другой уволенной работницы — сотрудницы аэропорта, добившейся восстановления и права носить хиджаб на службе, поскольку суд счел, что по отношению к ней как раз была проявлена дискриминация (Bueno Terrés 2018).

Наконец, женское традиционное головное покрывало, включая и хиджаб, обозначилось в общественном дискурсе как фактор возможной угрозы общественной безопасности, который может затруднить идентификацию персоны, а также помешать соблюдению правил при фотографировании на документы, удостоверяющие личность. В Испании, при наличии формального требования сниматься на официальные документы без головного убора, на практике с самого начала признавались действительными паспорта, удостоверения личности и т. д., владелицы которых были сняты на них в хиджабах (Bueno Terrés 2018), а в 2012 г. такие фото были разрешены уже инструкцией МВД при условии, что лицо при этом будет оставаться полностью открытым (La situación del velo 2013).

ПОПЫТКИ ЗАПРЕТА «ИНТЕГРАЛЬНОГО» ПОКРЫВАЛА

В 2010 г. в кортесы (испанский парламент) была внесена резолюция о запрете носить паранджу в общественных местах. Она не набрала необходимого большинства голосов. Та же ситуация повторилась в региональном парламенте Каталонии. На этом фоне в ряде районов страны местные власти предприняли попытки ввести такого рода ограничения. Муниципальный совет каталонского города Лерида в мае 2010 г. впервые в Испании принял решение о запрете традиционного женского исламского покрывала, закрывающего лицо, в пределах всех муниципальных территорий и учреждений, включая учебные, культурные, спортивные и проч. (любопытно, что аналогичная попытка в Барселоне несколькими днями ранее была отклонена на том основании, что прежде необходимо провести широкую дискуссию). Вслед за Леридой сходные постановления приняли муниципальные советы и ряда других городов, главным образом в Каталонии.

Против леридского запрета сразу же выступили мусульманские общины, отрицая какую бы то ни было угрозу, таящуюся в женском покрывале, и высказывая опасения, что в условиях внешнего давления оно может стать символом протеста мусульманской общины. Но главными их тезисами оставались ссылки на свободу религии и право женщин самим решать, как им одеваться. Борьба продолжалась во все более высоких судебных инстанциях, пока не достигла уровня Верховного суда страны, который и отменил (в 2013 г.) исходное постановление властей Лериды и все судебные решения в их пользу на том основании, что регулировать реализацию фундаментального права граждан можно только по закону, а в отношении паранджи/никаба никакого закона не существует,

и, следовательно, муниципальный совет превысил свои полномочия (Bueno Terrés 2018). Однако алькальд (мэр) города отказался признать такой итог, продолжая утверждать, что равенство полов и отсутствие гендерной дискриминации должны быть приоритетны по отношению к свободе религии (La situación del velo 2013).

«ЗА» И «ПРОТИВ» ИСЛАМСКОГО ЖЕНСКОГО ПОКРЫВАЛА:
ПОЗИЦИИ СПОРЯЩИХ СТОРОН

В силу целого ряда обстоятельств общественная полемика вокруг исламского женского головного покрывала оказалась одним из наиболее заметных проявлений обширного и сложного комплекса проблем, связанных с положением мусульман в современной Испании и их взаимоотношениями с остальным населением страны. В ней столкнулись идеологические позиции и ценностно-культурные установки целого ряда общественно-политических сил, борющихся за влияние над умами и сердцами сограждан и зачастую жестко противостоящих друг другу.

На фоне широко развернувшейся в последние десятилетия в Испании — как и во многих других западных странах — борьбы за равенство полов, против дискриминации женщин и так называемого гендерного насилия, традиционное исламское покрывало в любых его разновидностях (но особенно в «интегральных») убежденно трактуется многими как очевидное проявление приниженности, зависимости, подчиненного положения по отношению к мужчине, то есть как нечто совершенно нетерпимое в нынешней ситуации. На этой позиции непримиримо стоит наиболее влиятельная часть набравшего большую силу в стране феминистского движения, отвергая упреки и обвинения со стороны оппонентов в исламофобии, отказе от принципа «культурного многообразия», игнорировании мнения самих мусульманок, надевающих покрывало по доброй воле, и т. д. как своего рода «ловушки», имеющие целью узаконить тот «мачистский» символ, каким является этот вид женского одеяния (García Aller 2019).

В атмосфере сегодняшней Испании аргументация, исходящая из трактовки мусульманского покрывала как символа дискриминации женщины и ее подчинения мужчине, является практически обязательной для всех, кто выступает против этого вида одежды, поскольку она как бы отводит от них подозрения в исламофобии, расизме, ксенофобии и т. д., представляющие серьезную угрозу для общественно-политической репутации. По мнению некоторых аналитиков, на деле такого рода «антидискриминационные» высказывания якобы в пользу эмансипации женщин-мусульманок зачастую используют как раз те, кто хотел бы массового изгнания мусульман из Испании или, по крайней мере, предельного их ограничения в правах и возможностях (García Aller 2019), но не решается

высказывать столь одиозную позицию публично. Как бы там ни было, значительная часть испанцев пребывает в убеждении, что платки и покрывала исламские женщины носят либо потому, что их заставляют отцы, братья, мужа, либо по идейным наклонностям — как воинствующие исламистки (Mijares, Ramírez 2008). Не случайно в качестве обоснования запрета никаба и паранджи в Лериде в 2010 г. (см. выше) было названо стремление обеспечить уважение к достоинству женщины, попираемому подобными предметами одежды, и соблюсти требования безопасности, поскольку сплошное покрывало затрудняет идентификацию человека (La situación del velo 2013). Характерны результаты опросов читателей двух крупных испанских газет разных политических направлений, проведенных с довольно большим временным интервалом, но на одну и ту же по сути тему: в связи со «школьными скандалами» вокруг учениц в хиджабах (см. выше). В октябре 2007 г. леволиберальная *El País* призвала читателей обсудить, не следует ли запретить использование религиозных символов в школах. Из 2827 высказавших свое мнение 74 % поддержали идею запрета, 26 % не согласились с ней (Mijares, Ramírez 2008). Двенадцать лет спустя умеренно-центристская *La Vanguardia* попросила читателей оценить предложение главы Исламской комиссии Испании об отмене тех пунктов внутришкольных уставов, которые запрещают ношение хиджабов. Из 9400 участников опроса 13,5 % поддержали мнение мусульманского лидера, 86,5 % не согласились с ним (La Comunidad de Madrid 2019). Наконец, как сообщают СМИ, в 2015 г. из 258 проявлений исламофобии, зафиксированных в стране, каждое пятое было связано с одеждой мусульманских женщин (García Rey 2017).

Что касается противников запрета исламского покрывала, то и их ряды тоже выглядят весьма разнородными. Это и мусульманские объединения, и правозащитные организации, и представители научного сообщества, и многие другие граждане, включая, кстати, и некоторых феминисток, — все те, кто имеет иные представления о праве и справедливости в обсуждаемом вопросе, нежели проявляющие нетерпимость. В отстаивании своей позиции они делают упор на том, что испанское общество и государство обязаны уважать право меньшинств, в данном случае — право испанских мусульман на поддержание их исходных культурных и религиозных особенностей в соответствии со ст. 16 Конституции страны и Органическим законом о религиозной свободе от 1980 г. Распространенная трактовка хиджаба как символа дискриминации женщины и ее подчинения власти мужчины, по их мнению, является искажающим суть упрощением или вовсе не верна, поскольку прежде всего этот головной убор — проявление ее идентичности. В отношении возникающих время от времени конфликтов, подобных описанным выше, они настаивают на приоритетности конституционно утвержденных прав учащихся на свободу религии, совести, а также на следование собственным

вкусам во внешнем облике, тогда как правила внутришкольного распорядка не опираются ни на какие законы и, стало быть, не могут препятствовать ношению хиджаба в государственной школе (в отличие от частной). При этом школьниц-мусульманок, не желающих обнажать голову, следует просто освобождать от тех занятий, сам характер которых не позволяет оставаться на них в хиджабе. Тот же подход предлагается соблюдать во всех сферах трудовой деятельности: хиджаб должен быть разрешен всюду, где он не вредит делу и не создает угрозу безопасности (Motilla 2004).

Сторонники «разрешительной» политики указывали, что в связи с «исламским покрывалом» не только возникла ситуация противопоставления одних конституционных прав и свобод (свобода религии) другим (равенство полов), но и наметилась тенденция к выстраиванию их иерархии, в которой вторые воспринимаются как более важные и значительные, чем первые. Это тем более недопустимо, что большинство участников полемики выносят свои суждения на основе неточных или неверных представлений о чужой им культуре, а то и просто руководствуются предубеждениями (La situación del velo 2013).

Анхелес Рамирес, преподаватель социальной антропологии и автор исследований о «мусульманском платке», отказывается согласиться с бескомпромиссно негативной позицией в обсуждаемом вопросе, с обеспокоенностью указывая на «латентную исламофобию», по мнению исследовательницы, глубоко укорененную в стране, имеющую в основе историческую «маврофобию» и породившую на протяжении веков множество стереотипов, распространенных даже в университетской среде современной Испании. Такого рода стереотип проявляется в спорах вокруг исламского покрывала, в котором одни видят символ невежества и покорности, а другие — стремление навязать свою идеологию окружающим. И то и другое, по убеждению нашей испанской коллеги, парадоксальным образом ведет, вопреки намерениям «борцов против гендерной дискриминации», к закреплению предубеждений в отношении исламской женщины, ограничению ее свободы и индивидуальности (Ramírez 2006).

Любопытно, что подобные упреки — в невольном содействии ксенофобии и расизму — отчасти достигли своей цели, в результате чего некоторые европейские феминистки отказались от критики хиджаба, провозгласив так называемый феминизм различий, сосредоточенный на защите идентичности женщины, очевидным элементом которой является традиционное мусульманское покрывало (García Aller 2019).

Приверженцы данного подхода указывают на парадокс в отношении испанского общества к исламскому покрывалу: его отождествляют с культурой и религией, которым приписываются нетерпимость и неуважение к свободе женщины, и в то же время в этой свободе отказывают

самим женщинам, желающим носить покрывало по собственной воле (*La situación del velo* 2013).

Дополнительную сложность в вопрос вносит то обстоятельство, что далеко не в каждом конкретном случае понятно, имеет ли место свободно принятое решение (носить покрывало) или речь идет о давлении со стороны семьи и общины (Vieyo Terrés 2018). Очевидно, что проблема вынужденного подчинения «эмоциональному воздействию» исходной среды здесь действительно существует. Многие молодые мусульманки в Испании, живущие самостоятельно и в своей повседневной жизни не носящие хиджаб, надевают его при общении со своими близкими, чтобы не огорчать их и не подрывать репутацию семьи в глазах других членов исламского сообщества. Бывает и так, что девушка отказывается носить исламский платок, оставаясь под одной крышей с более традиционно настроенными родственниками, и это порой сильно осложняет ее жизнь в родной семье (García Aller 2019).

Именно из среды противников запрета мусульманского покрывала звучат особенно настойчивые призывы к максимальной толерантности и «открытости» в отношении мусульман Испании с тем, чтобы у них «не возникло ощущения, что с ними обращаются несправедливо, что они находятся в маргинальном положении, так как это неизбежно приведет к социальной напряженности и, возможно, даже побудит кого-то из них к уходу в фанатизм и фундаментализм. Способность общества, включая его юридическую систему, принять иную культуру в рамках уважения к фундаментальным принципам и ценностям будет способствовать интеграции и социальному миру» (Motilla 2004). Отсылка к юридической системе здесь неслучайна, поскольку сторонники данной позиции часто в свою поддержку ссылаются на своеобразие испанской официальной концепции отношений государства и церкви, трактуя их как «позитивную секулярность» (*laicidad positiva*), которая, в отличие от значительно более жестких ограничений в отношении религиозной сферы, практикуемых в ряде других европейских стран, допускает большие возможности для проявления жителями страны своих религиозных убеждений — в том числе и в использовании конфессиональной символики и атрибутики в одежде при исполнении служебных обязанностей (Motilla 2004).

Реальное положение дел как будто говорит о том, что до последнего времени вторая — «разрешительная» — позиция оставалась доминирующей в политике испанского государства в отношении мусульманского покрывала: в стране так и не появилось никаких законодательных запретов и ограничений, касающихся не только хиджаба, но и «интегрального покрывала», то есть никаба с паранджой, а те, что вводились на муниципальном уровне, были отменены судами высших инстанций. Но сколь долго продлится такое положение вещей, трудно предполагать. Здесь, например, обращает на себя внимание никем не предсказанный

и казавшийся немислимым выход на политическую арену страны правой партии Vox с ее жесткими установками на ограничение иммиграционных потоков в Испанию, «защиту западной, европейской и христианской идентичности от мультикультурализма» и т. д. (García Rey 2017), что говорит о резком изменении настроений в обществе и вполне может сказаться на обсуждении и решении этого вопроса в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Aixelà Y. Rec.: Ramírez, Ángeles. La trampa del velo. El debate sobre el uso del pañuelo musulmán. Madrid, Catarata, 2011 // Migraciones. 2011. No. 30. P. 235–238. URL: <https://revistas.comillas.edu/index.php/revistaicade/article/view/89/65> (дата обращения: 12.04.2021).

Blanco P. Ni España existía ni la Reconquista es tal y como la cuenta Vox // El País. 11.04.2019. URL: https://elpais.com/elpais/2019/04/11/hechos/1554980000_022524.html (дата обращения: 12.04.2021).

Briones Gómez R. Religiones e inmigración en la España actual. Análisis de los cambios en el campo religioso // Gazeta de Antropología. 2018. No. 34 (2). URL: <https://digibug.ugr.es/handle/10481/54713> (дата обращения: 12.04.2021).

Bueno Terrés S. La polémica en torno al velo islámico: una perspectiva comparada del marco europeo. 2018. URL: http://repositorio.ual.es/bitstream/handle/10835/7212/TFG_BUENO%20TERRES%2C%20SARA.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 12.04.2021).

Cantó P. Impiden a una alumna examinarse con hiyab en la Autónoma y toda su clase se pone velo // El Confidencial. 08.11.2017. URL: www.elconfidencial.com/alma-corazon-vida/2017-11-08/redes-sociales-viral-velo-uam-hiyab-profesor_1473477/ (дата обращения: 12.04.2021).

García Aller M. Feministas contra el hiyab: “Europa está cayendo en la trampa islamista con el velo” // El Confidencial. 10.09.2019. URL: www.elconfidencial.com/espana/2019-09-10/feministas-contra-velo-europa-cayendo-trampa-islamista_2216379/ (дата обращения: 12.04.2021).

García Rey M. Los musulmanes de España entre dos fuegos: el yihadismo y la extrema derecha xenófoba // El Confidencial. 18.03.2017. URL: www.elconfidencial.com/espana/2017-03-18/alivio-musulmanes-espana-no-victoria-wilders_1349649/ (дата обращения: 12.04.2021).

González Enriquez C. El declive de la identidad nacional española. ARI 50/2016 – 29.06.2016. URL: www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/demografia+y+poblacion/ari50-2016-gonzalez-enriquez-declive-identidad-nacional-espanola (дата обращения: 12.04.2021).

Gutiérrez del Moral M. El velo islámico ¿una causa de discriminación? // Anuario de Derecho Eclesiástico del Estado. 2020. Vol. XXXVI. P. 63–92. URL: www.boe.es/biblioteca_juridica/anuarios_derecho/abrir_pdf.php?id=ANU-E-2020-10006300092_ANUARIO_DE_DERECHO_ECLESIASTICO_El_velo_islamico_¿una_causa_de_discriminación?Especial_referencia_a_su_uso_en_la_escuela_en_la_documentación_de_identificación_y_en_el_ámbito_judicial (дата обращения: 12.04.2021).

El islam en España: dos millones de musulmanes, 1.400 centros de culto, un 6 % con mensaje radical. 10.04.2016. URL: www.20minutos.es/noticia/2718143/0/islam-espana/poblacion-musulmana/mezquitas-mensaje-radical/ (дата обращения: 12.04.2021).

La Comunidad de Madrid avala a los colegios para prohibir el velo islámico // La Vanguardia. 05.07.2019. URL: www.lavanguardia.com/local/madrid/20190705/463293719074/madridvala-colegios-prohicion-velo-islamico.html (дата обращения: 12.04.2021). La situación del velo islámico en España. Repositorio. URL: <https://zaguan.unizar.es/record/13170/files/TAZ-TFM-2013-1227.pdf> (дата обращения: 12.04.2021). Los musulmanes advierten de que algunos colegios españoles “segregan” a las alumnas con velo // Europa Press. 26.07.2017. URL: www.europapress.es/sociedad/noticia-musulmanes-advientenalgunos-colegios-espanoles-segregan-alumnas-velo-20170726190717.html (дата обращения: 12.04.2021).

Marcos J. España, un país sin guetos para musulmanes // El País. 28.08.2017. URL: https://elpais.com/politica/2017/08/26/actualidad/1503771760_114737.html (дата обращения: 12.04.2021).

Martín Corrales E. Maurofobia/islamofobia y maurofilia/islamofilia en la España del siglo XX // Revista CIDOB d’Afers Internacionals. 2004. No. 66–67. P. 39–51. URL: www.cidob.org/es/articulos/revista_cidob_d_afers_internacionals/maurofobia_islamofobia_y_maurofilia_islamofilia_en_la_espana_del_siglo_xxi (дата обращения: 12.04.2021).

Mijares L., Ramírez Á. Mujeres, pañuelo e islamofobia en España: un estado de la cuestión // Anales de Historia Contemporánea. 2008. No. 24. P. 121–135. URL: <https://revistas.um.es/analeshc/article/view/53911/51931> (дата обращения: 12.04.2021).

Motilla A. El problema del velo islámico en Europa y en España // Anuario de derecho eclesiástico del Estado. 2004. P. 87–129. URL: https://boe.es/biblioteca_juridica/anuarios_derecho/abrir_pdf.php?id=ANU-E-2004-10008700129_ANUARIO_DE_DERECHO_ECLESIASTICO_EL_problema_del_velo_islamico_en_Europa_y_en_Espana (дата обращения: 12.04.2021).

Pérez-Reverte A. Moros de la morería. 31.03.2014. URL: www.perezreverte.com/articulo/patentes-corso/908/moros-de-la-moreria/ (дата обращения: 09.02.2022).

Pivetal G. No a la mujer sin rostro: la prohibición del velo integral se expande por Europa. URL: www.elconfidencial.com/mundo/2017-10-18/no-a-la-mujer-sin-rostro-la-prohibicion-del-velo-integral-se-expande-por-europa_1462302/ (дата обращения: 12.04.2021).

Ramírez Á. Sexismo neocolonial // El País. 8.10.2006. URL: www.bioeticanet.info/eutanasia/Editorial081006.pdf (дата обращения: 12.04.2021).

Robledo J. Polémica por el velo islámico en España // BBC news / Mundo. 21.04.2010. URL: www.bbc.com/mundo/internacional/2010/04/100421_espana_velo_islamico_mes (дата обращения: 12.04.2021).

REFERENCES

Aixelà Y. Rec.: Ramírez, Ángeles. La trampa del velo. El debate sobre el uso del pañuelo musulmán (Madrid, Catarata, 2011) [The Chadra Trap. The Debate on the Use of Muslim Headscarf (Madrid, Carata, 2011)]. *Migraciones*, 2011, no. 30, pp. 235–238. Available at:

<https://revistas.comillas.edu/index.php/revistaicade/article/view/89/65> (accessed: 12.04.2021). (In Spanish).

Blanco P. *Ni España existía ni la Reconquista es tal y como la cuenta Vox* [Neither Spain Existed nor the Reconquest Was Such as the Vox Says]. *El País*. 11.04.2019. Available at: https://elpais.com/elpais/2019/04/11/hechos/1554980000_022524.html (accessed: 12.04.2021). (In Spanish).

Gutiérrez del Moral M. El velo islámico ¿una causa de discriminación? [Is the Islamic Veil a Cause of Discrimination?]. *Anuario de Derecho Eclesiástico del Estado*, 2020, vol. 36, pp. 63–92. (In Spanish).

Martín Corrales E. Maurofobia/islamofobia y maurofilia/islamofilia en la España del siglo 20 [Maurophobia/Islamophobia and Maurophilia/Islamophilia in 20th Century Spain]. *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, 2004, no. 66–67, pp. 39–51. (In Spanish).

Mijares L., Ramírez Á. Mujeres, pañuelo e islamofobia en España: un estado de la cuestión [Women, Headscarf and Islamophobia in Spain: Status of the Issue]. *Anales de Historia Contemporánea*, 2008, no. 24, pp. 121–135. (In Spanish).

Motilla A. El problema del velo islámico en Europa y en España [The Problem of Islamic Veil in Europe and Spain]. *Anuario de derecho eclesiástico del Estado*, 2004, pp. 87–129. (In Spanish).

Submitted: 13.04.2021

Accepted: 29.09.2021

Article published: 01.04.2022